

Ю. П. Бардилева, В. В. Кузь

Борьба верующих против вскрытия святых мощей на Европейском Севере России в 1918–1920 годах

**Бардилева
Юлия Петровна**
канд. ист. наук,
доц., Мурманский
арктический
государственный
университет
(Мурманск, Россия)

**Кузь Владислав
Владимирович**
канд. ист. наук,
доц., Мурманский
арктический
государственный
университет
(Мурманск, Россия)

Вопрос о происхождении культа мощей в христианстве остается дискуссионным. Исследователи, прежде всего представители русского православного ученого клира¹, еще в XIX в. отмечали, что поклонение мощам — неотъемлемая часть культа святых мучеников. Практика обретения мощей мучеников и использования их в раннехристианском культе, судя по имеющимся источникам, восходит к началу — середине II в. н. э.² Далеко не все исследователи солидарны с мнением о синхронности возникновения культа мучеников и культа мощей. Так, некоторые ученые полагают, что первое время отношение к останкам мучеников было «отношением почтительного расстояния» и лишь с середины IV в. н. э. в раннем христианстве возникает собственно культ реликвий³.

Не менее дискуссионным является вопрос об истоках поклонения святым мощам в христианстве. Так, некоторые специалисты возводят его к широко известному в античной религиозной истории культу героев и распространённому почитанию их праха⁴. Впрочем, эта точка зрения не нашла достаточного числа сторонников и вызвала довольно существенные возражения⁵. Как отмечают исследователи, любые попытки найти истоки культа христианских мучеников (а вместе с ними и традицию почитания мощей) в почитании греко-римских богов и героев

бесплодны, так как они «игнорируют принципиальные и кардинальные отличия античнохристианской ментальности от языческой»⁶. В современных работах сохраняется тенденция к поиску отдельных элементов культа святых и его составляющих (в том числе культа мощей) в тех или иных аспектах религиозных практик как Античности, так и Древнего Востока⁷.

Кроме того, в современных исследованиях обсуждается такая важная проблема, как процесс включения культа мощей в обрядовый комплекс поклонения святым и мученикам. Если обретение мощей восходит ко II в., то широкое включение поклонения мощам в культ мучеников II–IV вв. началось только с IV в. По мнению исследователей, поклонение мощам мучеников в античном христианстве существенно отличалось от дальнейших обрядовых практик, возникших уже в период Средневековья⁸.

Как отмечают специалисты, поклонение мощам святых и мучеников в раннем христианстве выполняло несколько важных функций. Прежде всего, оно способствовало консолидации христианского сообщества в условиях гонений, развитию христианской теологии, а также христианизации населения. Впрочем, с последним тезисом согласны не все ученые⁹.

В изучении вопроса о возникновении и развитии культа мощей святых и мучеников наметились как минимум два основных направления.

В рамках первого направления реликвии изучались как объект христианской археологии. Целенаправленная деятельность по обретению мощей началась, собственно, еще в раннехристианский период, когда в IV в. стали реставрировать римские катакомбы и осуществлять раскопки с целью поиска останков мучеников (как делал, например, св. Амвросий Медиоланский). Особое значение при этом имела деятельность императора Константина I и его семьи. В дальнейшем становление и развитие христианской археологии как науки — начиная с ее фактического основателя Дж. Б. де Росси — включили исследование мощей в число объектов научного исследования. История открытия и научного изучения святых мощей детально изложена в исследовании одного из крупнейших специалистов в области христианской археологии Л. А. Беляева¹⁰.

Другим направлением стало изучение именно культа мощей, т. е. поклонения мощам, как одного из важнейших элементов культа святых мучеников. Это направление заняло видное место в раннехристианских исследованиях в целом и продолжает оставаться наиболее значительным вектором изучения данной проблемы¹¹. Современные исследователи считают раннюю агиографию одним из важнейших источников для реконструкции истории раннего христианства и его отношений с римским обществом¹². Это позволяет с высокой долей достоверности реконструировать историю возникновения культа мощей в раннем христианстве и распространения его в практиках Восточной и Западной церкви.

Одной из дискуссионных проблем долгое время оставался (и в определенной степени остается) вопрос о том, что именно понимать под термином «мощи»: считать ли мощами только нетленные останки погибших за веру мучеников или факт нетленности их останков нужно учитывать скорее как

сопутствующий, а не как определяющий фактор установления святости тех или иных деятелей Церкви?

Русская православная церковь с древнейших времен в равной степени почитала останки святых как в виде костей, так и в виде нетленных мощей. Выдающийся историк церкви академик Е. Е. Голубинский в «Истории канонизации святых в Русской Церкви» писал в начале XX в., что церковь, уча о нетленности мощей, отнюдь не предлагала понимать нетленность их в смысле ненарушенности, сохранности тел: «[Главным для прославления святых являются чудеса, которые] творятся при их гробах или от их мощей, а мощи, целые тела или только кости, суть дарованные нам, для поддержания в нас живейшего памятования о небесных молитвенниках за нас, священные и святые останки некоторых святых, которые мы должны чтить как таковые, и суть те земные посредства (выражение Пространного катехизиса митр. Филарета), чрез которые Господь наиболее проявляет свою чудодейственную силу»¹³. Тем не менее часть верующих воспринимала нетленность мощей именно в прямом смысле этого слова. Как отмечает протоиерей Георгий Митрофанов в «Истории Русской Православной Церкви. 1900–1927», представление о том, что мощи святого обязательно должны быть нетленными, распространилось в России с XVII в., стало результатом общей богословской невежественности того периода и укоренилось в народе на несколько столетий¹⁴. Очевидно, что церковь недостаточно разъясняла верующим, что в священных реликвиях нужно видеть не только и не столько физически нетленные тела, сколько память о непреходящих деяниях подвижников православия.

Подобного рода «невежеством» как рядовых верующих, так и некоторых представителей клира в первые годы развертывания антирелигиозных кампаний пыталась воспользоваться советская власть. По мнению организаторов данных мероприятий, осмотр содержимого рак должен был выявить тленность останков святых, а значит, разоблачить «перед массами вековой обман церковниками трудового народа»¹⁵. Другой целью кампании был подрыв материальной базы церкви, точнее монастырских общин, за счет уменьшения числа паломников к местам разоблаченных святынь. Очевидно, что советская власть в период кампании против мощей боролась только с одним из элементов культа мощей, т. е. с мощами как артефактом, но это не привело к ликвидации культа святых и мучеников как такового, о чем отчетливо свидетельствуют примеры борьбы верующих и духовенства за сохранение неприкосновенности мощей и места их нахождения.

Первые постановления Наркомата юстиции о вскрытии мощей появились лишь в феврале 1919 г., но уже в ноябре — декабре 1918 г. в официальной прессе раздавались призывы П. А. Красикова, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарского, И. И. Скворцова-Степанова, Л. Д. Троцкого, Е. М. Ярославского в условиях разгоравшейся Гражданской войны усилить наступление на «религиозное мракобесие» для скорейшей победы «над темной масс», «объявить бой церковникам всех мастей», покончить с православными монастырями. Очевидно, что эти призывы были услышаны сторонниками советской власти, иначе как объяснить тот факт, что без всяких законных оснований для осквернения право-

славных святынь и разграбления монастырского имущества в 1918 г. в пределах Советской России было произведено 58 вскрытий святых мощей¹⁶.

Появлению законодательных оснований проведения кампании по разоблачению мощей во многом способствовали зафиксированные в ряде регионов случаи самовольного разграбления монастырей под предлогом борьбы с мракобесием и группами монашествующих, без всяких доказательств причисляемых к контрреволюционным и монархически настроенным слоям населения. Без законодательной основы такие действия могли трактоваться исключительно как самоуправство и грабеж, что было невыгодно для молодой советской власти, так как подрывало веру в ее справедливость и беспристрастность в наведении порядка и установлении законности на территории страны.

Первым сообщением о незаконно инициированном вскрытии святых мощей стало известие о том, что 22 октября 1918 г. при приеме на учет богослужебного имущества Александрo-Свирского монастыря Олонецкой губернии «в литой раке, весящей более 20 пудов серебра, вместо нетленных мощей Александра Свирского была обнаружена восковая кукла» (Отчет VIII (ликвидационного) отдела Народного комиссарита юстиции (далее — Наркомюст) VIII Всероссийскому съезду Советов)¹⁷. Само вскрытие мощей стало здесь побочным результатом затеянной экспроприации монастырского имущества и продовольствия, начавшейся еще в феврале 1918 г. по инициативе местных властей и сопровождавшейся арестами монашествующих¹⁸. Не вдаваясь в подробности проведенной реквизиции, попробуем разобраться с тем, как верующие отреагировали на вскрытие мощей и что действительно увидела комиссия, вскрывшая раку.

Официально опубликованная версия о восковой кукле идет вразрез как с секретными материалами местной ГубЧК, так и с заключением, данным монастырской братией; разнятся и даты вскрытия мощей — 22 и 26 октября. Настоятель монастыря архимандрит Евгений, расстрелянный через несколько дней после вскрытия, свидетельствовал, что видел в раке скелет. ГубЧК объявляла его расстрел (как и расстрел других арестованных вместе с ним в сентябре 1918 г.) интересами защиты власти рабочих и крестьян от элементов «злого пошиба». Н. Д. Кузнецов, член Всероссийского церковного собора, бывший при вскрытии мощей св. Александра Свирского, не случайно написал заявление в Совет народных комиссаров, откуда оно было отправлено в Олонецкий губисполком, с требованием разобраться в сложившейся в монастыре обстановке. Николай Дмитриевич указал на бесчинства, творившиеся в монастыре в октябре 1918 г., учиненные при реквизиции имущества обители: «Приехавшие обобрали в монастыре все, что можно. Они взяли все ценные вещи, многие очень важные в историческом отношении, содрали ризы с икон, отняли одежду, белье у монашествующих». Называвшие себя комиссарами распорядились в соборном храме как у себя дома: разобрали престол в алтаре, хватали кресты, выпили церковное вино¹⁹. В ответе Олонецкой ГубЧК губисполкому по поводу заявления Н. Д. Кузнецова о разгроме красноармейцами Свирского монастыря, помимо прочего, сообщалось, что преемник архимандрита Евгения, настоятель Антоний также показал: «При открытии мощей из-под покрывала

я был удивлен, увидев в гробу не нетленные мощи <...> а самый обыкновенный скелет смертного человека»²⁰. Иеромонах Мардарий, присутствовавший при вскрытии мощей, отмечал, что видел в раке что-то вроде ног, одетых в малиновые туфли. После окончания осмотра он дал расписку, что мощи будут в сохранности, ничего не пропадет. Однако после ухода комиссии «взял туфли и бросил в печь, так как туфли действительно были набиты ватой»²¹.

По поводу вскрытия мощей св. Александра Свирского братией монастыря 5/18 ноября 1918 г. были составлены два акта, в одном из которых подробно описывалось состояние мощей в момент вскрытия раки, а в другом — незаконные действия местных властей, проводивших реквизицию имущества обители и пытавшихся вывезти мощи из монастыря. Монашествующие указали, что подробно осмотрели мощи 13/26 октября 1918 г., отметив, что мощи находились в целостности и сохранности, в схимнических, местами истлевших, одеждах — сохранился скелет преподобного, зубы, немного волос и борода²². Во втором акте подробно были перечислены бесчинства и самоуправство, учиненные при реквизиции имущества обители. Отмечалось, что многие из экспроприаторов, упившись церковным вином, потребовали ключи от Преображенского собора, чтобы изъять из него раку с мощами, которые они планировали увезти с собой. Вот как описывалось утро 13/26 октября: «Первоначально потребовали открыть раку преподобного и взять оттуда мощи, что и было сделано: гробик с мощами был поставлен около раки на табуретки, они обступили его с другой стороны и сами с насмешками сдернули пелены и покровы с Преподобного и обнажили его до груди. После этого вытащили раку на амвон и приказали положить и гробик с мощами, для того чтобы увезти, но на это мы не согласились; тогда они сами положили гробик и склади туда серебряные церковные вещи <...> закрыли раку на ключ и хотели уже выносить, чтобы увезти; тут братия стала умолять, чтобы оставили мощи преподобного. Один из них, по-видимому старший, согласился <...> оставить мощи под расписку, а ему вручили расписку, что мощи в целостности и сохранности будут находиться в соборе. <...> Гробик со святыми мощами братия поставила в алтарь на горнее место и к ряду же началась совершаться поздняя литургия. После <...> о. Архимандрит Назарий остался при мощах и никого не допускал к ним, даже не допустил двух комиссаров, за что и был арестован»²³. Впоследствии, в декабре 1918 г., местные власти попытались объяснить эти различия в освидетельствовании мощей тем, что якобы монахи подменили хранившуюся в раке восковую куклу каким-то скелетом. Так, из Олонецкой ГубЧК в Отдел народного образования при губисполкоме было отправлено сообщение, что «восковая кукла, по всей вероятности, подменена каким-то скелетом»²⁴. Правда, ни эта информация, ни тем более мнение монашествующих и верующих-мирян не были представлены ни в местной, ни в центральной прессе. Такая публикация могла навредить развертывавшейся в стране «разоблачительной» кампании по вскрытию мощей. Кстати, губернская ЧК не представила мощи в музей, сообщив, что они уничтожены. В течение многих десятилетий мощи Александра Свирского считались безвозвратно утраченными; их второе обретение произошло в 1998 г., когда благодаря архивным и судебно-медицинским исследованиям было установлено, что полностью

сохранившиеся останки неизвестного человека, с 1919 г. находившиеся в анатомическом музее Военно-медицинской академии в Петербурге, принадлежат основателю Свирской обители. В настоящее время они возвращены в возрожденный в 1990-е годы монастырь²⁵.

Опыт первых стихийных мероприятий по вскрытию мощей в монастырях натолкнул власти на использование данной кампании в антирелигиозных целях и позволил облечь эти методы в законодательные формы. «Идя навстречу почину и настойчивым требованиям трудящихся», 16 февраля 1919 г. коллегия Наркомюста приняла первое постановление об организованном вскрытии мощей, которое предусматривало порядок их освидетельствования и конфискации государственными органами²⁶. Согласно этому постановлению, само вскрытие, т. е. снятие с мощей церковных облачений и т. п., должны были производить священнослужители в обязательном присутствии представителей местных органов советской власти, ВЧК и медицинских экспертов. После оформления протокола вскрытия мощей, подписанного священнослужителями и медицинскими экспертами, к осмотру мощей рекомендовалось привлечь «самые широкие массы»²⁷.

Местные власти после февраля 1919 г. рьяно взялись за проведение кампании по вскрытию святых мощей, но в ряде случаев натолкнулись на серьезное сопротивление со стороны верующих.

В марте 1919 г. Вельский уездный исполком (Вологодская губерния) решил перевезти после вскрытия мощи Прокопия Устьянского в Вельск для осмотра с целью разоблачения их культа. Как докладывал отдел юстиции Вологодского губисполкома VIII (ликвидационному) отделу Наркомюста, в результате попытки вывоза мощей Прокопия Устьянского произошло восстание местного населения (якобы из-за серебряной раки), женщины кричали, что, даже если в них будут стрелять, они не уйдут с дороги отряда и тело святого не отдадут: «...населением было оказано сопротивление, выразившееся в избиении коммунистов, в самочинном выпуске арестованных и в разнообразных угрозах волостному исполкому с требованием между прочим отмены чрезвычайного налога»²⁸. В село Бестужево к бунтовавшим послали усмиривший их военный отряд, но мощи оставили на месте. Восставшие выпустили из-под ареста тех, кого посадили за проступки против советской власти. Отряду красноармейцев пришлось отступить. В помощь им отправили второй отряд численностью в 55 чел. Никольская и Бестужевская волости были объявлены на осадном положении, власть в них перешла к военно-революционным комитетам с неограниченными полномочиями. Последовали аресты всего причта церкви, обвиненного в организации восстания. Власти, судя по источникам, были готовы к применению репрессивных мер, вплоть до кровопролития. По официальным данным, в восстании участвовало до 1,5 тыс. чел. Сопротивление оказалось настолько серьезным, что власти поспешили объявить об оставлении мощей на месте, о предоставлении в распоряжение религиозных общин всех находившихся у церквей на 1 января 1919 г. наличных денег. Население обязали уплатить чрезвычайный налог и водворить арестованных в камеры²⁹. Вологодский губисполком обвинил Вельские уездные органы в легкомысленности, неумении

предвидеть развитие событий, преступной небрежности. В письме Вельскому уездному исполкому, отправленном из Вологодского губисполкома, отмечалось, что Вельский уезд находится в прифронтальной полосе, население его изнурено натуральными повинностями и тяготами: «...глубоко изумило <...> намерение заняться религиозными делами, да еще в такой опасной форме. <...> От того, что “мощи” какого-нибудь Прокопия полежат лишней месяц или два на том же месте, где они благополучно лежали до этого времени, для Советской республики, вероятно, не случится большого вреда»³⁰. В местной печати 22 марта 1919 г. появилось, однако, лишь упоминание о проведении вскрытия мощей Прокопия Праведного 7 марта того же года. Комиссия в присутствии большого количества людей обнаружила высохший скелет на дне гроба, указав, что останки мумифицировались, хотя и остались незначительные фрагменты тканей тела³¹. Мнение же священнослужителей — священников Подъякова, Монакова, Фомина, Попова, присутствовавших при вскрытии мощей, — нигде не было опубликовано. Оно сохранилось лишь в отчете Вологодского губисполкома перед VIII (ликвидационным) отделом Наркомюсту. В нем были представлены выдержки из составленного Вельским уездным советом акта осмотра, содержащего мнения священнослужителей, присутствовавших при вскрытии. Они признали тело Прокопия Праведного мощами на основании того, что оно большей частью сохранилось, а также потому, что происходили чудеса исцеления тех людей, которых в шарлатанстве нельзя заподозрить: «Отсутствие чудес в наше время [объясняется] слабоверием, ибо чудо дается только верующему по его вере и вере его окружающих, а гарантировать от повторения чудес и впредь никто не может»³². Примечательно, что подписан такой акт осмотра святынь был и представителями советской власти — секретарем и председателем Бестужевского волисполкома³³.

Драматические события произошли и в другом уезде Вологодской губернии — Тотемском. 17 апреля 1919 г. в переполненном богомольцами Вознесенском храме тотемского Спасо-Суморина монастыря комиссия уездного исполкома произвела вскрытие раки преподобного Феодосия Суморина (Тотемского). Обнаженные мощи святого после освидетельствования положили под стеклянный колпак и выставили на всеобщее обозрение. 30 апреля 1919 г. епископ Вологодский и Тотемский Александр в письме на имя председателя Вологодского губисполкома детально объяснил, почему верующие возмущаются помещением мощей Феодосия Тотемского на всеобщее обозрение в музей: «По православным обычаям раскрытие и обнажение смертных останков даже простого человека, не пользующегося никаким почитанием среди народных масс, считается тяжелым поруганием усопшего»³⁴. В своем ответе Вологодский губисполком также попытался возразить епископу и верующим, что выставляет бранные останки обычного человека, разоблачая тем самым обман Церкви, исключительно потому, что «духовенство <...> сотворило из этих останков кумира для верующих, вводя, таким образом, в великое заблуждение “малых сих”»³⁵. Интересно, что представители губисполкома попытались вступить с епископом в полемику по поводу того, какие останки признавать мощами. С позиций власти раз мощи не нетленны, значит, и не святы. Однако владыка

Александр отметил, что церковь вовсе не считает мощами обязательно полностью сохранившееся и совершенно нетленное тело. При этом он сослался на работу профессора Е. Е. Голубинского «История канонизации святых в Русской Церкви» (1903 г.)³⁶. Однако власти и после заявления авторитетного архиерея не пошли на уступки верующим.

Такое отношение к мощам почитаемого святого не оставило равнодушным местное население. 22–28 мая того же года было проведено несколько крестьянских собраний в ближайшей к монастырю Пятовской волости. В приговорах крестьянских сходов, направленных местным властям, звучали просьбы, а подчас и требования вернуть мощи в раку, в монастырь. После того как просьбы не были удовлетворены, население перешло к решительным действиям. Согласно рапорту правящего архиерея Вологодской епархии патриарху Тихону от 6 июня 1919 г., «в праздник Вознесения Господня под давлением 5 тыс. богомольцев игумен Тотемского Спасо-Преображенского монастыря Кирилл облачил обнаженные по распоряжению советской власти святые мощи преподобного Феодосия Тотемского, совершил с ними крестный ход вокруг монастырских храмов и отслужил пред ними молебен о ниспослании дождя»³⁷. 7 июня 1919 г. председатель Вологодского губисполкома предупредил, что, если в Тотьме не прекратятся волнения среди населения, произведенные монахами Суморинского монастыря, то к ним применят меры как к совершившим тяжкое государственное преступление (Тотьма находилась в прифронтальной полосе в годы Гражданской войны)³⁸.

После того как участвовавшие в этом молебне священнослужители (игумен Кирилл, три иеромонаха, два иеродиакона и два монаха) были арестованы, епископ Вологодский и Тотемский Александр (Трапицын) обратился к председателю губернского исполкома «с просьбой принять срочные и решительные меры к скорейшему освобождению ни в чем неповинных людей, действовавших под давлением народной толпы, недовольной глубоко оскорбительным положением честных останков угодника Божия, усердно чтимого всем местным населением»³⁹. В результате всех арестованных (37 чел.) отпустили. Пострадал от приговора суда губревтребунала лишь игумен монастыря, который был приговорен к пяти годам лишения свободы⁴⁰.

Летом 1919 г. вследствие все увеличивавшегося паломничества к мощам губисполком постановил перевезти их в Вологду. Помещенные в Вологодский музей иконографии и церковной старины, мощи св. Феодосия Тотемского продолжали привлекать к себе верующих, которые даже пытались ставить свечки у гроба преподобного.

Вскрытие мощей и помещение их в музей на всеобщее обозрение рассматривалось верующими как настоящее глумление над их религиозными чувствами. Они решили активно действовать и 10 января 1920 г. направили через представителя группы верующих г. Вологды П. А. Матвеева в VIII (ликвидационный) отдел Наркомюста заявление, в котором указали, что есть «горячее желание группы верующих г. Вологды — мощи эти из музея перенести и поставить в городскую церковь Спаса Всемилостивого»⁴¹. Спустя два дня из Наркомюста в Вологодский отдел юстиции был отправлен запрос о том, действительно ли

около мощей преподобного Феодосия Тотемского совершаются религиозные обряды и происходит паломничество верующих. Заведующий VIII (ликвидационным) отделом Наркомюста П. А. Красиков в случае подтверждения данной информации требовал «немедленно принять меры к ликвидации возникшего инцидента — в духе декретов советской власти и сообразно революционной целесообразности»⁴².

4 февраля 1920 г. Вологодский губернский отдел юстиции отправил в VIII (ликвидационный) отдел Наркомюста подробный отчет об обстоятельствах вскрытия мощей преподобного Феодосия Тотемского и сложившейся ситуации вокруг их помещения в музей. Причину вскрытия мощей вологодские власти объясняли распространением среди местного населения «нелепых вздорных слухов о чудесах около мощей»⁴³. При вскрытии, происходившем на основании постановления Съезда земельных отделов Вологодской губернии в Тотьме, присутствовали представители духовенства, учреждений, участники съезда, врачи и местное население. В акте освидетельствования мощей, как сообщил губернский отдел юстиции, отмечалось, что при вскрытии в раке «оказалась, как и во всех подобных случаях, часть сохранившихся костей, склеенных марлей»⁴⁴. На все просьбы духовенства положить их обратно в гроб, а не оставлять без одежды под стеклянным колпаком во избежание оскорбления памяти преподобного, был дан отрицательный ответ. А позднее ввиду «все увеличивающегося паломничества к этим костям было постановлено Вологодским Губисполкомом мощи эти перенести в г. Вологду, тем более что монастырь, в котором хранились мощи, был занят под различные учреждения Социального обеспечения и Народного просвещения»⁴⁵. Интересно, что факт помещения мощей в музей губернский отдел юстиции оценил негативно: «Помещение <...> мощей, как предмета, не имеющего ничего общего с церковной стариной и во всяком случае антихудожественного, внесло диссонанс в художественную обстановку музея»⁴⁶. Факт паломничества верующих к мощам, размещенным в музее, местные власти признали с большой осторожностью. Они объясняли это тем, что нахождение мощей среди предметов церковного назначения создавало иллюзию того, что они выставлены для церковного поклонения. Отмечалось, что духовенства при попытках верующих поставить свечи около мощей или оставить денежные пожертвования не было, религиозной пропаганды не осуществлялось, религиозные службы не совершались. Губисполком же на всякий случай потребовал от сотрудников музея положить мощи в закрытый ящик, чтобы предотвратить любые попытки поклонения им. Завершая свой отчет, Вологодский губернский отдел юстиции высказал предположение о том, что следовало бы поместить мощи преподобного Феодосия Тотемского в более подходящем месте, например в антропологическом музее (!)⁴⁷. Возможно, такие объяснения устроили представителей Наркомюста, но не верующих и духовенство Тотьмы.

В Вологодский губисполком от городских приходов в мае 1920 г. было направлено заявление с ходатайством о помещении мощей преподобного в один из храмов города. В то же время в VIII (ликвидационный) отдел Наркомюста поступили и заявление граждан Вологды, уполномоченных от общего

собрания представителей городских православных приходов (2 мая 1920 г.). В письмах указывалось, что в ночь с 25 на 26 сентября 1919 г. в Спасо-Суморин монастырь в сопровождении отряда милиции прибыли представители местных гражданских властей. Комиссия путем обмана верующих, заявив, что отправляет мощи в собор г. Вологды, забрала их из монастыря. При этом монах-староста и его помощник, а также сторож были арестованы. Отпустили их лишь тогда, когда пароход, увозивший святыни из Тотьмы, отправился в Вологду⁴⁸. Верующие отмечали, что помещение «мощей в музей, притом в обнаженном виде, на показ людям маловерующим, или совсем неверующим, допускающим неуместные замечания, не интересуясь тем, как много хорошего и полезного сделал этот человек для людей при своей земной жизни, крайне тяжело отзывается в сердцах православных людей. <...> помещение святых мощей в музей лишает возможности верующих помолиться пред останками своего чтимого святого угодника»⁴⁹. Верующие подчеркивали, что препятствие осуществлять свои религиозные обряды идет вразрез с действующим в российской республике законодательством. Они отмечали, что решение о помещении мощей в один из храмов Вологды или Тотьмы не только принесет радость всему православному населению Севера, но и «вызовет у него искреннюю признательность ко Власти <...> доказавшей признание свободы совести и свою веротерпимость»⁵⁰. Заявление в адрес Вологодского губисполкома подписали около трех тысяч верующих Вологды, а в заявлении в адрес Наркомюста указывалось, что прилагаются 32 приговора церковных общин Вологды и Тотьмы и Тотемского уезда, содержащие более 20 тыс. (!) подписей верующих⁵¹.

Местные власти пытались упорствовать и доказывать, что действуют от имени народа, разоблачая «церковное мракобесие». Так, 24 мая 1920 г. из общего подотдела отдела юстиции при Вологодском губисполкоме в VIII (ликвидационный) отдел Наркомюста было отправлено письмо, в котором в очередной раз отмечалось, что советская власть, «идя навстречу желаниям организованной и передовой части Пролетариата, вскрывала эти мощи не в целях оскорбления святыни и религиозного чувства, а в целях обнаружения и раскрытия <...> векового обмана»⁵². Интересно, что только в данном письме указано, что мощи преподобного Феодосия Тотемского были вскрыты дважды: первый раз по постановлению Тотемского Земельного съезда, а второй — «после помещения мощей в раку на прежнее место толпой богомольцев, постановлением Тотемского съезда Советов»⁵³. Помещение мощей на всеобщее обозрение в музей сотрудники вологодской юстиции рассматривали как волю народа, направленную против обмана и спекуляции мощами.

Однако массовые обращения верующих в разные инстанции возымели действие. В мае 1920 г. собрание православных приходов добилось от властей помещения останков св. Феодосия в одном из городских храмов⁵⁴.

Приведенные в статье примеры активной борьбы верующих против проведения кампании по вскрытию святых мощей на Европейском Севере России, сопровождавшиеся решительным протестом в адрес властей и ходатайствами в высшие органы советской власти и закончившиеся временной или окончательной победой участников выступлений, являются скорее исключением.

В большинстве случаев местным властям удалось изъять мощи святых и передать их на хранение в различные музеи страны. На наш взгляд, это объясняется не столько равнодушием верующих к судьбе своих святынь, сколько тем, что проведение данной кампании на Севере страны совпало с массовым закрытием монастырей, с превращением их в сельхозкоммуны и артели, колонии, лагеря, с арестами и расстрелами видного духовенства, правящих архиереев Архангельской, Вологодской и Олонецкой епархий и с голодом 1921 г. Все это подрывало силы местного населения и лишало их возможности бороться за защиту своих религиозных прав⁵⁵.

Борьба верующих за сохранение своих святынь, к сожалению, способствовала активизации советских органов власти в деле совершенствования методов по реализации кампании, направленной на тотальное уничтожение почитания мощей. В выписке из протокола № 243 заседания коллегии Наркомюста от 6 июля 1920 г. отмечалось, что после вскрытия мощи необходимо перемещать в музеи или университетские учреждения, «а также не препятствовать захоронению, словом, ликвидацию проводить сообразно с конкретными условиями, опираясь на поддержку местных рабочих элементов населения и развертывая предварительную агитацию и пропаганду по религиозному вопросу»⁵⁶. Правда, Наркомюст предупреждал, что следует воздерживаться от решительных действий, если почва для «разоблачительных» кампаний недостаточно подготовлена.

29 июля 1920 г. Наркомюст разработал предложения о ликвидации мощей во всероссийском масштабе. В них предусматривалось «планово и последовательно вести полную ликвидацию мощей на местах, избегая враждебной нерешительности и половинчатости мероприятий»⁵⁷. Предполагалось осуществить ликвидацию «названного культа мертвых тел и кукол <...> или путем помещения так называемых “мощей” в музеи в отделы церковной старины, или путем их захоронения»⁵⁸. На губисполкомы возлагалась ответственность за проведение предварительной пропаганды и агитации по ликвидации мощей (особенно среди малосознательной части крестьянства), за проверку всех конкретных условий проведения мероприятий. Помимо агитационной и пропагандистской работы, предусматривалось и возбуждение судебных преследований при обнаружении «случаев шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты, как со стороны отдельных служителей культа, так равно и организаций бывших официальных вероисповедных ведомств»⁵⁹.

Интересно, что в справке на имя заведующего VIII (ликвидационным) отделом Наркомюста П. А. Красикова (июль 1920 г.), содержащей сведения о состоявшихся вскрытиях мощей в 1918–1920 гг., говорилось, что никаких волнений по поводу данных мероприятий нигде не наблюдалось и что «без каких-либо эксцессов со стороны населения [мощи] отправляются в музеи»⁶⁰. С учетом приведенных выше примеров в Лодейнопольском, Вельском и Тотемском уездах, подобные заявления представляются малоубедительными. Даже в отчетах местных властей в 1920 г. порой высказывались сомнения в том, что население регионов полностью готово к проведению масштабных кампаний

по вскрытию мощей. Так, в отчете Олонецкого губисполкома (4 марта 1920 г.), отправленном в VIII (ликвидационный) отдел Наркомюста, сообщалось: «Нужно признать, что в большинстве сельского населения религиозность и формы ее проявления, хотя поколеблены революцией, но окончательно еще не изжиты. Пропаганда, направленная к раскрепощению трудящихся масс от векового религиозного гипноза, в губернии велась, но не была в достаточной степени интенсивной»⁶¹. А из Вологодской губернии поступили сведения о том, что при вскрытии мощей Прокопия Устьянского «настроение масс во время вскрытия было враждебное, что послужило препятствием к вывозу <...> мощей и помещению их в музей»⁶².

30 июля 1920 г. СНК принял Постановление «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе». В этом документе была сформулирована пропагандистская цель «мощейной эпопеи»: «полностью ликвидировать варварский пережиток старины, каким является культ мертвых тел»⁶³, т. е. речь шла об уничтожении почитания святых мощей среди православного населения Советской России.

Несмотря на масштабность работы по вскрытию святых мощей и закрытию монастырей на территории Европейского Севера России, следует согласиться с А. Н. Кашеваровым, который справедливо отмечает, что ожидаемых властью результатов в преодолении «религиозных предрассудков» и «полном развенчании церковников» «мощейная эпопея» не дала: даже VIII отдел Наркомюста в 1921 г. признавал крупные просчеты при проведении кампании⁶⁴. Верующие в своей массе не отказались от почитания останков святых. И если с мощами как артефактом в ряде случаев удалось справиться, то с ликвидацией культа святых и мучеников как такового — нет.

¹ Голубинский Е. Е. Канонизация святых в Русской Церкви. М., 1903.

² См., напр.: Harnack A. Die Zeit des Ignatius und die Chronologic der antiochenischen Bischeffe bis Tyranus. Leipzig, 1878; Misiarczyk L. The Beginning of the Cult of Relics in Martyrium Polycarpi 17–18 // Series Byzantina. 2016. Vol. XIV. P. 13–23; Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви: в 4 т. Т. II. СПб., 1907.

³ См., напр.: Wiśniewski R. The Beginnings of the Cult of Relics. Oxford, 2019.

⁴ См. об этом: Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика / пер. с нем. М. Витковской, В. Витковского. СПб., 2004.

⁵ См., напр.: Brown P. The Cult of the Saints. Its Rise and Function in Latin Christianity. Chicago, 1981.

⁶ Федосик В. А., Яновский О. А., Яновская В. В., Торканевский А. А. Рим и христианские мученики (реалии античности и духовная традиция). Минск, 2012. С. 37.

⁷ См., напр.: Innetée K. C. Veneration of Portraits, Icons, and Relics in Christian Egypt // Visual Resources. An International Journal of Documentation. 2003. No. 19 (1). P. 57–66.

⁸ Федосик В. А. и др. Рим и христианские мученики. С. 34, 41–54.

⁹ См., напр.: Пантелеев А. Д. Мученичество и распространение христианства в Римской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2015. Вып. 3. С. 33–43.

¹⁰ Беляев Л. А. Христианские древности: введение в сравнительное изучение. СПб., 2000. Гл. II.

¹¹ См., напр.: Пантелеев А. Д. Гонения на христиан и императорский культ по данным агиографической традиции // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3(49). С. 91–104.

- ¹² См., напр.: *Пантелеев А. Д.* Мученик и стража в раннехристианской агиографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2013. Вып. 3. С. 53–63.
- ¹³ *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. 2-е изд., испр. и доп. М., 1903. С. 297, 301–302.
- ¹⁴ *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви. 1900–1927. СПб., 2002. С. 183.
- ¹⁵ *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 170–171; *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви. С. 183–184.
- ¹⁶ *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь... С. 173; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-353. Оп. 4. Д. 379. Л. 3.
- ¹⁷ Цит. по: *Кашеваров А. Н.* Советская власть и судьбы мощей православных святых. СПб., 2013. С. 56.
- ¹⁸ См. об этом: *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь... С. 171; *Басова Н. А.* Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 79–80; Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 2/11. Л. 38; *Бардилева Ю. П.* Кампания по вскрытию святых мощей и закрытие монастырей на Европейском Севере России в 1918–1929 гг. // Российская история. 2009. № 3. С. 135–136.
- ¹⁹ НАРК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 2/11. Л. 46 (см. подробнее: *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь... С. 171; *Бардилева Ю. П.* Кампания по вскрытию святых мощей... С. 136).
- ²⁰ НАРК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 2/11. Л. 36, 38 об.
- ²¹ Там же. Л. 38 об.
- ²² ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 731. Л. 62–62 об.
- ²³ Там же. Л. 63–64 об.
- ²⁴ НАРК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3/32. Л. 217.
- ²⁵ *Басова Н. А.* Русская Православная Церковь в Карелии в 1918–1941 годах: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006. С. 86.
- ²⁶ Цит. по: *Кашеваров А. Н.* Советская власть и судьбы мощей... С. 62.
- ²⁷ Там же; *Цылин В., прот.* Русская Церковь (1917–1925). М., 1996. С. 142.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 380. Л. 147; Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. Р-2620. Оп. 1. Д. 73. Л. 35–36.
- ²⁹ *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь... С. 188; ГААО. Ф. Р-2620. Оп. 1. Д. 73. Л. 18, 18 об.
- ³⁰ ГААО. Ф. Р-2620. Оп. 1. Д. 73. Л. 35–36.
- ³¹ Черная ложь (к вскрытию мощей «угодника» Прокопия Праведного) // Известия Вологодского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. 22 марта. С. 2.
- ³² ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 380. Л. 70–71.
- ³³ Там же. Л. 71.
- ³⁴ Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 47. Л. 62–62 об.
- ³⁵ Там же. Л. 66–68.
- ³⁶ Там же. Л. 75. — См. об этом: *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. С. 297–302.
- ³⁷ Цит. по: *Кашеваров А. Н.* Советская власть и судьбы мощей... С. 75.
- ³⁸ ГАВО. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 47. Л. 88–89.
- ³⁹ Цит. по: *Мясникова Л. Н.* Протест против поругания православной святыни — мощей препод. Феодосия, Тотемского чудотворца // Вологда. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 2000. Вып. 3. С. 413–416.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 768. Л. 4.
- ⁴² Там же. Л. 5.
- ⁴³ Там же. Л. 6.
- ⁴⁴ Там же.

- ⁴⁵ Там же. Л. 6 об.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ Там же. Л. 6 об., 7.
⁴⁸ Там же. Л. 10–10 об.
⁴⁹ ГАВО. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 30а. Л. 238–238 об.
⁵⁰ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 768. Л. 9.
⁵¹ ГАВО. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 30а. Л. 240–255; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 768. Л. 9.
⁵² ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 768. Л. 11 об.
⁵³ Там же. Л. 12.
⁵⁴ *Каишеваров А. Н.* Советская власть и судьбы мощей... С. 76.
⁵⁵ Подробнее см.: *БардILEVA Ю. П.* Кампания по вскрытию святых мощей... С. 135–142.
⁵⁶ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 3. Д. 731. Л. 59.
⁵⁷ Там же. Оп. 4. Д. 379. Л. 1.
⁵⁸ Там же.
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ Там же. Л. 3–4.
⁶¹ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 380. Л. 58.
⁶² Там же. Л. 70.
⁶³ Цит. по: *Каишеваров А. Н.* Православная Российская Церковь... С. 182–184.
⁶⁴ Там же. С. 219–220.

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2019 г.
Рекомендована в печать 5 марта 2020 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

БардILEVA Ю. П., Кузь В. В. Борьба верующих против вскрытия святых мощей на Европейском Севере России в 1918–1920 годах // *Новейшая история России.* 2020. Т. 10, № 2. С. 398–413. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.208>
УДК 94(97).084.3:908(470.2)

Аннотация: В статье на основе системного, проблемно-хронологического и информационного подходов, материалов федеральных и региональных архивов Российской Федерации, трудов российских и зарубежных исследователей выявляются теологические основания почитания культа святых мощей, их роли и значения для верующих, анализируются причины и последствия кампании по вскрытию святых мощей на Европейском Севере России, действия верующих по защите мощей почитаемых святителей и результаты данной борьбы. Вопросы о происхождении культа мощей, их раннехристианских или в целом античных истоках, об эволюции связанных с ним обрядов остаются сферой внимания современных исследователей. Определение термина «мощи» и представления об их сакральном статусе претерпели существенную эволюцию и в истории Русской Церкви. Понимаемый по-разному в православном богословии и в среде простого клира и прихожан, культ мощей стал одним из важнейших направлений атеистической и антицерковной политики советской власти в первые годы ее существования. В данном исследовании на примере анализа кампаний по вскрытию святых мощей на Европейском Севере России рассматриваются попытки властей разоблачить «вековой обман церковниками трудового народа» и тем самым нивелировать влияние Церкви; проанализированы данные о реакции основной массы верующих на эту политику. В работе делается вывод о том, что борьба с мощами как важный элемент антиклерикальных мероприятий привела к кажущимся успехам, однако не смогла достичь главной цели — ликвидировать культ святых и мучеников как таковой.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Европейский Север, монастыри, вскрытие мощей, верующие, духовенство.

Сведения об авторах: *БардILEVA Ю. П.* — канд. ист. наук, доц., Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия); bardileva_murman@mail.ru | *Кузь В. В.* — канд. ист. наук,

доц., Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия); vkuz-murman@yandex.ru

Мурманский арктический государственный университет, Россия, 183720, Мурманск, ул. Капитана Егорова, 15

FOR CITATION

Bardileva Yu. P., Kuz V. V. 'The Struggle of Believers against the Disclosure of Holy Relics in the European North of Russia in 1918–1920', *Modern History of Russia*, vol. 10, no. 2, 2020, pp. 398–413. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.208> (In Russian)

Abstract: Based on a systematic and problem-chronological approach, and drawing on materials from federal and regional archives of the Russian Federation and works of Russian and foreign scholars, this article identifies the theological foundations of veneration for holy relics and their roles and value for believers. This sets up a study of the causes and consequences of the campaign for the disclosure of holy relics in the European North of Russia, believers' actions to protect the relics of revered saints, and results of this struggle. Questions about the origin of the cult of relics, their early Christian or ancient origins, and the evolution of ceremonies connected with them are the focus of modern studies. The understanding of the term "relics" and the idea of their sacred status have undergone significant evolution in the history of the Russian Church. Understood differently in Orthodox theology and among ordinary clergy and parishioners, the cult of relics became one of the most important directions for atheistic and anti-clerical policy of the Soviet government in its first years. An inspection of the contents of shrines was supposed to reveal the corruption of the saints, and thus to expose "the centuries-old deception of the working people by the clergy" and thus to nullify the influence of the Church. Data on how the majority of believers responded to this policy are analyzed. The article concludes that the fight against relics as an important element of anticlerical measures led to apparent success, but failed to achieve the main goal — to eliminate the cult of saints and martyrs as such.

Keywords: Russian Orthodox Church, European North, monasteries, disclosure of holy relics, believers, clergy.

Authors: *Bardileva Yu. P.* — PhD, Associate Professor, Chief of History and Law Department, Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russia); bardileva_murman@mail.ru | *Kuz V. V.* — PhD, Associate Professor, Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russia); vkuz-murman@yandex.ru

Murmansk Arctic State University, 15, ul. Kapitana Egorova, Murmansk, 183720, Russia

References:

- Bardileva Yu. P. 'The campaign for the opening of the Holy relics and the closure of monasteries on the European North of Russia in 1918–1929', *Rossiiskaia istoriia*, no. 3, 2009. (In Russian)
- Basova N. A. *The Russian Orthodox Church in Karelia in the years 1918–1941* [Candidate of History Dissertation] (Petrozavodsk, 2006). (In Russian)
- Belyaev L. A. *Christian antiquities: an introduction to comparative study* (St. Petersburg, 2000). (In Russian)
- Bolotov V. V. *Lectures on the history of the Ancient Church*, in 4 vols, vol. 2 (St. Petersburg, 1907). (In Russian)
- Brown P. *The Cult of the Saints. Its Rise and Function in Latin Christianity* (Chicago, 1981).
- Burkert W. *Greek religion. Archaic and classic* (St. Petersburg, 2004). (Rus. ed.)
- Fedosik V. A., Yanovskiy O. A., Yanovskaya V. V., Torkanevskiy A. A. *Rome and the Christian martyrs (realities of antiquity and spiritual tradition)* (Minsk, 2012). (In Russian)
- Golubinskiy E. E. *Canonization of saints in the Russian Church* (Moscow, 1903). (In Russian)
- Golubinskiy E. E. *History of the canonization of saints in the Russian Church*, 2nd ed. (Moscow, 1903). (In Russian)
- Harnack A. *Die Zeit des Ignatius und die Chronologic der antiochenischen Bischöfe bis Tyrannus* (Leipzig, 1878).
- Innemée K. C. 'Veneration of Portraits, Icons, and Relics in Christian Egypt', *Visual Resources. An International Journal of Documentation*, 2003, no. 19(1).
- Kashevarov A. N. *Soviet authority and the fate of the relics of the Orthodox saints* (St. Petersburg, 2013) (In Russian)

-
- Kashevarov A. N. *The Orthodox Russian Church and the Soviet state (1917–1922)* (Moscow, 2005). (In Russian)
- Misiarczyk L. 'The Beginning of the Cult of Relics in Martyrium Polycarpi 17–18', *Series Byzantina*, 2016, no. XIV.
- Mitrofanov G., protopriest. *History Of The Russian Orthodox Church. 1900–1927* (St. Petersburg, 2002). (In Russian)
- Myasnikova L. N. 'Protest against the desecration of the Orthodox Shrine-the relics of the venerable Theodosius of Totma's miracle-worker', *Vologda. Istoriko-kraevedcheskii almanakh*, no. 3, 2000. (In Russian)
- Panteleev A. D. 'The Martyr and the guardian in the early Christian hagiography', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Istorii*, no. 3, 2013. (In Russian)
- Panteleev A. D. 'Martyrdom and the spread of Christianity in the Roman Empire', *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. Istorii*, no. 3, 2015. (In Russian)
- Panteleev A. D. 'Persecution of Christians and the Imperial cult according to the hagiographic tradition', *Problemy istorii, filologii, kultury*, no. 3 (49), 2015. (In Russian)
- Tsy-pin V., protopriest. *The Russian Church (1917–1925)* (Moscow, 1996). (In Russian)
- Wiśniewski R. *The Beginnings of the Cult of Relics* (Oxford, 2019).

Received: November 10, 2019

Accepted: March 5, 2020